

INSPIRIA

Писано по воде

Чжан
Айлун

18+

INSPIRIA

Loft. Пропущенные шедевры

Айлин Чжан
Писано по воде

«ЭКСМО»

1945

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

Чжан А.

Писано по воде / А. Чжан — «Эксмо», 1945 — (Loft.
Пропущенные шедевры)

ISBN 978-5-04-254203-9

Личный и культурный портрет военного Шанхая и Гонконга 1940-х годов, созданный одной из крупнейших китайских писательниц XX века. Через размышления о литературе, кино, театре, городской моде, кухне и повседневных привычках Айлин показывает Китай в момент исторического перелома. Книга раскрывает столкновение традиции и модерности, напряжение между молодыми радикалами и культурными консерваторами, а также формирование женской интеллектуальной позиции в обществе, находящемся на грани революции. Это не только сборник наблюдений, но и автопортрет писательницы — космополитичной, ироничной, смелой и внимательной к деталям. «Изящная и элегантная, дерзкая и одновременно трепетная, как сама писательница, проза Чжан Айлин — настоящий подарок всем, кто готов погрузиться в бесконечно глубокую и загадочную Вселенную человеческих отношений. Подобно витражу, тысячи осколков ее чувств складываются в яркую исповедь, достойную восхищения». — Оксана Родионова, к. филол. н., доцент кафедры китайской филологии Восточного факультета СПбГУ «"Писано по воде" — окно во внутренний мир одной из самых загадочных и неоднозначных писательниц Китая, возможность лучше понять ее саму — и ее героев. Эссе Чжан Айлин эмоциональны, чувственны и в то же время невероятно забавны». — Мария Семенюк, доцент кафедры китайской филологии ИСАА МГУ, к. филол. н., переводчик «Мне Чжан Айлин в этом сборнике показалась этакой юной китайской Вирджинией Вулф, которой вечно не хватало той самой своей комнаты. Открытость миру и любопытство писательницы подкупают с первых же страниц, поэтому расставаться с книгой было сложно». — Мария Головей, к. филол. н., литературный редактор, автор канала Mercilessediting

УДК 821.581-31

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-254203-9

© Чжан А., 1945

© Эксмо, 1945

Содержание

Мысли вслух от переводчика	7
Нет порока в сказанном ребенком	13
Деньги	14
Одежда	17
Еда	20
Благородные джентльмены	21
Младший брат	22
Мои труды	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Чжан Айлин

Писано по воде

###

Eileen Chang

##

Written on Water

Copyright © NYRB Classics

Перевод с китайского Кирилла Батыгина

Оформление серии Екатерины Петровой

Работа над книгой частично проходила в рамках индивидуальной резиденции Дома творчества Переделкино

© Батыгин К., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Мысли вслух от переводчика Кто такая Чжан Айлин?

Сборник эссе китайской писательницы, иллюстратора и киносценариста Чжан Айлин – или, как ее знают на Западе, Эйлин Чан (1920–1995)¹, – который у вас в руках, уважаемые читатели, одновременно говорит сам за себя и требует некоторых комментариев. Постараюсь быть лаконичным, что у меня, если быть откровенным, обычно крайне плохо выходит, но попытка, как известно, не пытка.

Когда я обратился к коллегам из издательства Insignia с предложением восполнить некоторый пробел в отечественном книгоиздании и обратиться к творчеству Айлин², я пришел с рекомендацией о переводе конкретного романа: пронзительной *«Старой девы»* (##), или, в авторском переводе на английский, *«Румянами Севера»* (возможно, и он когда-нибудь появится на русском). Я обрадовался, когда Ирина Крылова, наш замечательный редактор, вернулась ко мне с подтверждением проекта, и немного удивился, когда мне предложили начать не с романа, а со сборника эссе. Как гласит «народная мудрость», читателя вроде бы правильнее знакомить с потенциально неизвестными писателями через что-то более масштабное. Однако я с готовностью взялся за эссе, потому что давно хотел поработать с текстами Айлин. И теперь я могу подтвердить, что решение начать именно со сборника эссе – единственно правильное. Я не могу представить себе лучшего способа узнать, кто такая Айлин. Точнее, попытаться узнать.

«Писано по воде» (##, *Written on Water*, 1944–1945) – подготовленное и опубликованное самой Айлин собрание эссе, которые выходили на страницах различных шанхайских изданий в 1943–1944 годы, в тот краткий, но плодотворный период, когда были опубликованы ключевые художественные произведения писательницы: *«Золотая канга»*, *«Любовь, разрушающая города»* и *«Красная роза и белая роза»* (###, ####, #####). Для сборника Айлин не только отобрала тексты, но и подготовила выразительные иллюстрации.

Название на китайском (да и на английском) обманчиво простое и – очень в духе Айлин – многозначительное. Писательница – снова показательно – раскрыла его суть только в 1977 году во вступлении к другому сборнику – *«Кошмар в красном тереме»*, – посвященному хрестоматийному роману Цао Сюэциня³. Айлин с мягкой иронией замечает: «Я часто думала, говорило ли [название *«Писано на воде»*] что-то моим читателям, но ни у кого об этом не спрашивала». В китайском используется сочетание иероглифов «поток» и «слова» (буквально – «утекающие речи»), которое может обозначать и слухи, и пустые, вздорные слова. Айлин уже в 1945 году – в 25 лет, на первом прижизненном пике славы, – именно так и относилась к своему творчеству: как чему-то преходящему, что с течением времени унесется само собой в небытие, подобно бурному потоку воды. Здесь же зашифрована тонкая отсылка еще к одному «быстротечному» таланту. «Писано по воде» – фраза с надгробного камня скончавшегося в первую четверть жизни английского поэта Джона Китса (1795–1821), на надгробном камне которого значится: *Here lies one whose name was writ in water* – «Здесь покоится тот, чье имя было писано по воде». И в какой-то мере это (само) пророчество Айлин исполнилось. Кажется символичным,

¹ Подробнее на тему имени Айлин/Эйлин см. эссе «Приведем имена в соответствии с сутью». – *Здесь и далее прим. пер., если не указ. др.*

² Мне остается только надеяться, что писательница не была бы против такой фамильярности в свой адрес. По окончании работы с книгой я обратил внимание, что обращаюсь к писательнице именно по имени и не могу никак отделаться от этой привычки.

³ Вокруг «Сна в красном тереме» существует целая наука – красноведение, – посвященная анализу и комментированию романа, вне всяких сомнений, самого читаемого китайского произведения. Давний интерес Айлин ко «Сну» будет проявляться в эссе «Нет порока в сказанном ребенком» и «О рукописях в стол».

что сборник на русском подготовлен в 2025 году: на 105-ю годовщину рождения Айлин, 80-ю годовщину публикации сборника и 30-ю годовщину кончины писательницы.

Лучше всего о детстве, юности и первом расцвете в качестве писателя рассказывает сама Айлин. Эссе – во многом автобиографические, некоторые – на грани личной хроники. Упомяну далее только то, что у Айлин остается за скобками.

Айлин родилась в 1920 году в обеспеченной семье чиновника Чжан Чжи (1896–1953) и Хуан Суцюн (1893–1957). Хуан Ишэн, прадед Айлин по матери, служил армейским офицером. Чжан Пэйлунь, дед по отцу и также чиновник, женился на дочери Ли Хунчжана, аристократа и влиятельного сановника Цинской империи. И, как мы убедимся со слов самой Айлин, славная родословная далеко не всегда способствует счастью в отдельно взятой семье.

Айлин получила – в том числе благодаря настойчивости матери и Чжан Маюань (1898–1991), тети со стороны отца, – полноценное образование, что сравнительная редкость в Китае даже того времени. Писательница с детства изучала английский язык, рисовала, играла на фортепиано и интересовалась всем и сразу. В 1937 году она завершила обучение в шанхайской женской школе Пресвятой Марии (*St. Mary's Hall*), которую посещала несмотря на то, что ее семья не была религиозной. Айлин намеревалась продолжить обучение в Лондонском университете, однако в силу множества факторов ей пришлось изменить планы и уехать учиться в Гонконгский университет.

Важный момент – исторический фон, точнее, его завуалированность. Если вы сразу начнете читать эссе Айлин, то может показаться, будто она пишет в максимально спокойных, мирных условиях. Это, к сожалению, не так. Помимо личных переживаний и разочарований Айлин «повезло» родиться в разгар «интересного» для Китая времени. Цин – последняя (и, строго говоря, не китайская) императорская династия, заключительные десятилетия существовавшая фактически в сговоре с делившими Китай между собой членами так называемого Альянса восьми держав⁴, – пала в 1911 году, поставив точку в далеко не однородном, но относительно целостном восприятии Китаем самого себя как центра мира под Небесами. Последующие десятилетия Китай сталкивался с многообразно наслаивавшимися друг на друга сложностями: полной модернизацией и вестернизацией, постоянным вмешательством в свои дела иностранных сил, региональными расколами, политическими конфликтами (в том числе между националистами во власти и постепенно укреплявшими свое положение коммунистами) и, наконец, с 1931 года частичным, а с 1937 года полным вторжением Японии на свою территорию. Айлин – в буквальном смысле дитя смутного, военного времени. Однако это период не только разлада и краха, но и обретения женщинами больших прав, начало смелых поисков. Так, принятый в 1929–1931 годы новый гражданский кодекс сформировал в Китае крайне либеральный порядок разводов, который позволил родителям Айлин разойтись. Айлин позже замечала, что развод в то время был «весьма современным атрибутом любой семьи, наподобие автомобилей и ученых». Печальная правда мировых войн: обычная жизнь не прерывается, а продолжается вопреки всему.

Эссе описывают тот период, когда Айлин стала популярным автором в родном Шанхае. Айлин рано начала писать. Еще в 1939 году – в 18 лет! – Айлин написала эссе «*Какая жизнь! Какая девичья жизнь!*», которое стало сенсацией в Шанхае⁵. Ее литературным дебютом стал вышедший в 1939 году в Гонконге автобиографический рассказ «*Первое пламя любви*» (#####), повествующий о трудностях девушки, бегущей от консервативной семьи из Шанхая в Гонконг. В 1943 году Айлин знакомится с писателем и издателем Чжоу Шоуцзюанем (1895–1968), при поддержке которого приобретает известность и пишет ранее указанные произведения.

⁴ Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Италия, Франция, США, Япония... и, да, Россия.

⁵ Его содержание воспроизводится в эссе «Приватные речи».

Ключевые темы творчества писательницы и в то время, и позднее – невозможность проявления искренних чувств и неясное будущее на фоне глубоких исторических потрясений. Этот настрой чувствуется и в эссе. В произведениях Айлин ощущается некоторая общность с готической литературой: распад общества и индивидуальности при сохранении внешнего лоска и благообразности. Примечательно эссе «*Мои труды*», которое требует отдельного комментария. Оно было написано в ответ на замечание от 1944 года известного переводчика западной литературы Фу Лэя (1908–1966), который, отмечая высокое качество прозы Айлин, критиковал ее за озабоченность бытовыми вопросами и любовными отношениями, сюжетами о «старых консерваторах и отбросах павшей династии, а также чувствах буржуа, которые мучаются романтическими хитросплетениями между мужчинами и женщинами». Было ли, вопрошал Фу Лэй, в мире, сокрушаемом войной, и в Китае, находящемся на грани вымирания, место «тривиальным чередам мелочных баталий», в которые вновь и вновь вступали герои Айлин? Как отмечает сама Айлин, ее герои – люди примечательные своей непримечательностью и оттого достойные осмысления как архетипы общества. «В моих работах нет войны, нет революции. На мой взгляд, люди в делах любовных гораздо более просты и своевольны, чем в делах войн или революций. Войны и революции по своей природе предъявляют больше требований к нашей рациональности, нежели к нашим чувствам. Неудачи произведений о войнах и революциях нередко заключаются в том, что техническая составляющая в них превалирует над художественной. В сравнении со свободой любви война кажется понуждением, а революция представляется в большей или меньшей мере преодолением себя», – пишет Айлин.

Позволю себе высказать одну мысль: начните с эссе «*Любовь*». На одной странице Айлин представляет и глубоко прочувствованный сюжет, и, в некоторой степени, всю свою эстетику.

В 1943 году Айлин сама ощутила счастье и муки любовных отношений. Она познакомилась с Ху Ланьчэном. Айлин было 23 года, а Ланьчэну – 37 лет. Ху Ланьчэн (1906–1981) – писатель, издатель и пропагандист при так называемом режиме Ван Цзинвэя – по имени политика, занявшего пост президента Китайской Республики при коллаборационистском правительстве Японии на территории Китая с 1940 по 1944 год. Уже в 1944 году пара сыграла свадьбу. Однако брак оказался, мягко говоря, несчастливым. Ланьчэн был известным ловеласом и открыто продолжал заводить отношения с другими женщинами. Более того, Ланьчэн оставался официально женат еще во время ухаживания за Айлин, которая, судя по всему, искренне любила его. В письме писательница указывает: «Я люблю тебя, как любят ветер, унесшийся на восемь тысяч *ли*, и не ожидаю от тебя времени твоего возвращения». Супруги разъехались уже в 1945 году, когда Ланьчэн перебрался по работе в Ухань, и развелись в 1947 году. В эссе мы лишь мельком узнаем о переживаниях Айлин. Частично этот печальный опыт лег в основу ее повестей.

Айлин писала еще в 1940-е годы: «Надо становиться известной как можно раньше; даже если этому и будет суждено случиться позже по жизни, эффект оттого будет не такой бодрящий». И снова писательница предвосхитила дальнейшие события. Конец Второй мировой войны, возобновление гражданской войны между коммунистами и националистами и в конечном счете приход к власти коммунистов поставили под сомнение будущее Айлин на родине. Как отмечает литературовед Дэвид Дэр-вэй Ван (Ван Дэвэй), отсутствие у писательницы жесткой антияпонской позиции во времена войны, брак с коллаборационистом, пускай краткий, да и сам отстраненно-ироничный стиль ее письма не сильно вписывались в реалии того времени. Айлин не хотела становиться политической фигурой на том историческом этапе, когда Китай претерпевал жесточайший раскол. В ее произведениях не было места эпическим событиям и героическим персоналиям. Ее заботили явления, более близкие «рядовым людям»: несчастные и безутешные люди, населяющие такие неприметные места, как, например, публичные дома, казино и полузаброшенные особняки, которые к 1949 году, по идее, должны были кануть в Лету со становлением «Нового Китая».

В 1952 году Айлин уедет в Гонконг. Здесь она будет работать в Информационном агентстве США. Структура фактически продвигала американские интересы за рубежом. На этот период приходится два антикоммунистических романа: *«Песнь рисового ростка»* (##) и *«Любовь нагой земли»* (####). Эти произведения тем более скрепили невозможность для Айлин продолжать публиковаться в родном Китае, где ее произведения постепенно выпали из поля внимания. Айлин в то время также работала как переводчица. Среди ее работ в таком качестве – *«Старик и море»* Эрнеста Хемингуэя и *«Легенда о Сонной лощине»* Вашингтона Ирвинга.

В 1955 году Айлин уезжает в США, где получит гражданство и проведет остаток жизни, не считая отдельных поездок на Тайвань и в Гонконг в начале 1960-х годов. В 1956 году Айлин знакомится и сочетается браком с голливудским сценаристом Фердинандом Рейнером (1891–1967). Брак получится более устойчивым, чем с Ланьчэном, однако будет омрачен постоянными тревогами о деньгах. Айлин забеременеет, но примет решение об аборте, когда Рейнер заявит, что не хочет иметь детей. Этот опыт лег в основу романа *«Маленькие примирения»* (*Little Reunions*, опубликован посмертно, 2009). После смерти Рейнера Айлин в целом отойдет от публичной жизни, но продолжит работать. В 1969 году Айлин станет старшим сотрудником Центра китайских исследований Калифорнийского университета в Беркли.

Важным элементом в жизни Чжан Айлин стало кино. Она выросла в Китае, переживавшем киноманом, и активно посещала и осмысляла кинокартины⁶. Ее первые собственные опыты в кинематографе приходятся на 1947 год, когда вышли сразу два фильма по ее сценариям: мелодрама *«Непреходящая любовь»* (###) по мотивам *«Джейн Эйр»* и популярная «комедия положений» *«Да здравствует госпожа!»* (####). Айлин продолжала работать с киностудиями материкового Китая и Гонконга и в 1950-е, и в 1960-е годы.

Долгое время произведения Чжан Айлин – на фоне неприятия всего японского, в особенности коллаборационистов, и жесткого выстраивания коммунистического государства после 1949 года – находились под запретом на материковом Китае и только сравнительно недавно, где-то с 1980-х годов, стали находить там читателей. При этом Айлин всегда пользовалась популярностью среди заморских китайцев, которые, как и она, оставили родные края.

В 1960 году, уже имея американское гражданство, Айлин начнет совершать поездки на Тайвань, где окажет большое влияние на местных литераторов, некоторые из которых причисляют себя к «школе Чжан». Несмотря на то что у Айлин не было детей, среди писателей и ученых китайского происхождения она считается, по меткому выражению литературоведа Сяо Цзивэй, «бабушкой-покровительницей» (####).

За свою жизнь Айлин написала более шестидесяти романов, повестей, рассказов, эссе и киносценариев. В США она пыталась возобновить писательскую карьеру, однако постоянно сталкивалась с отказами. В последние тридцать лет своей карьеры Айлин публиковалась сравнительно немного.

На этот период приходится повесть *«Осторожно, страсть»* (*Lust, caution*, ###), которая была начата еще в 1950-е годы, но опубликована лишь в 1977 году. Произведение, формально вдохновленное историей представительницы шанхайского высшего общества Чжэн Пинжу (1918–1940), казненной после неудавшейся попытки застрелить коллаборациониста Дин Моцуня (1901–1947), с которым женщина вступила в связь, отображает опыт самой Айлин с Ланьчэном. Этот сюжет наиболее известен для русскоязычного читателя как *«Вожделение»* – под таким названием вышел в российском прокате фильм 2007 года режиссера Энга Ли, получивший, помимо ряда наград и номинаций на такие престижные премии, как «Золотой глобус» и BAFTA, «Золотого льва» Венецианского кинофестиваля. С 1980-х годов появляется интерес к театральным постановкам и киноадаптациям Айлин, в первую очередь – со стороны

⁶ См. эссе «Ртутная лампочка взаимности» и «О знаниях, почерпнутых из Дворца посеребряного экрана».

гонконгских режиссеров: выходят «Любовь, разрушающая города» (Энн Хёй, 1984), «Красная роза, белая роза» (Стэнли Кван, 1994), «Восемнадцать весен» (Энн Хёй, 1997), «Первое пламя любви» (также «Любовь после любви», Энн Хёй, 2020). Кино в какой-то мере поспособствовало возобновленному вниманию к Айлин на материковом Китае.

8 сентября 1995 года, за считанные недели до ее 75-летия, Айлин обнаружат мертвой в съемной квартире на окраинах Голливуда. Со слов друзей, она несколько дней не отвечала на звонки. Причиной смерти признают проблемы с сердцем. В завещании Айлин просила, оставаясь верной себе до самого конца, «кремировать тело и развеять прах в безлюдном месте». Ее останки предадут Тихому океану.

Почему творчество Айлин достойно нашего внимания и в настоящее время? На это у каждого будет свой ответ. Я бы сказал, что, возможно, писательница уже в середине XX века ощущала тот же «конец эпохи», который чувствуется и в первой четверти XXI века: «Наше время несется вперед и уже готово к краху, а на горизонте – еще большие катастрофы. Настанет день, когда наша культура, воспринимаемая, как бы то ни было, в качестве тщеславия или сублимации, останется в прошлом. “Безутешность” так часто всплывает в моей речи, потому что [безутешность] всегда посещает мои мысли».

Важно подчеркнуть: это издание – дебютная книга Айлин на русском языке, но не первые переводы ее работ. Ранее выходили по крайней мере три произведения, которые принесли Айлин наибольшую известность: еще в 2018 году в сборнике «Шедевры китайской женской прозы середины XX века» издательства «Восточная литература» были представлены «Любовь, разрушающая города» в переводе Оксаны Родионовой (первоначально еще в 2012 году, тогда же повесть вышла в сборнике «Пограничный городок. Китайская проза XX века»), а также «Золотая канга» и «Прохода нет!» в переводе Марии Семенюк.

Изначально мы предполагали, что в нашу книгу войдут и эти работы коллег, и новые переводы тех повестей и рассказов, которые Айлин упоминает в эссе. Мы обсуждали эту перспективу со всеми участниками проекта еще в самом начале перевода «Писано по воде». К сожалению, по формальным причинам – временные сложности с покупкой прав на повести и рассказы – этому замыслу пока не дано сбыться. Однако надеюсь, что вслед за эссе появится возможность опубликовать и сборник художественных произведений Айлин, в который войдут указанные переводы. Именно поэтому отмечаю, но не предвосхищаю во вводном эссе к сборнику эти работы. Пусть наступит время, и читатели сами познакомятся с этой частью творчества Айлин на русском.

Я дополнил сборник музыкальным плейлистом из произведений композиторов, работавших или родившихся в Китае – и, в частности, в Шанхае, – или популярной музыки того времени, чтобы задать некоторую общую атмосферу для восприятия эссе. Я изначально планировал сфокусироваться на времени написания эссе, но, столкнувшись с огромным наследием эпохи, решил условно ограничиться периодом с 1920 по 1955 год, когда Айлин уехала из Китая. Ссылки на плейлист – и не только! – можно будет найти на сайте ЭКСМО (по QR-коду в книге) и у меня в ТГ-канале.

Но вернемся к заглавному вопросу: *кто такая Чжан Айлин?* На мой взгляд, может быть только один искренний и честный ответ: **я этого не знаю и не могу узнать, сколько бы я ни пытался приобщиться к жизни и творчеству Айлин**. Айлин упоминает в одном из эссе *танграм* (или «семь дощечек мастерства») – семь плоских фигур, которые можно сложить на свое усмотрение в различные формы. «Писано по воде» – для меня тот же *танграм*. Каждый откроет в нем свою Айлин, сложит из имеющихся материалов свой образ писательницы. И я не хочу отнимать у вас, дорогие читатели, возможность самостоятельно узнать Айлин и ответить для себя на указанный мной (риторический?) вопрос. Ведь, как известно, на тысячу читателей приходится тысяча «Гамлетов». Я просто счастлив, что у читателей появилась возмож-

ность познакомиться с очаровательными, глубоко историчными и при этом вневременными эссе Чжан Айлин.

В заключение позволю себе отметить людей, без которых я не представляю этот сборник на русском.

Благодарю всех коллег Inspiria – в частности, Алину Зальнову и Ирину Крылову – за готовность взять в работу произведения Чжан Айлин. Надеюсь, что *«Писано по воде»* станет началом потенциальной новой серии.

Благодарю Ксению Балюту – переводчика, исследователя современной китайской литературы, преподавателя и руководителя Клуба китайской литературы НИУ ВШЭ, резидента Дома творчества «Переделкино», автора ТГ-канала «ксюшины книжки». Ксения выступила консультантом по изданию и, помимо редакторской работы, дала многие ценные рекомендации, которые позволили правильно выстроить подход, чтобы максимально отразить все тонкости стиля Айлин.

Благодарю Марию Головей, главу одноименного редакторского бюро и автора ТГ-канала Mercilessediting, за деликатную работу с текстом в качестве литературного редактора. Медитация переводчика и редактора над произведением – самый ответственный, волнующий и важных этап перевода.

Благодарю Юлию Дрейзис – кандидата филологических наук, доцента кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, переводчика современной китайской литературы и классических текстов о чайной культуре, создателя блога «Стихо (т) ворье», лауреата премии «Ясная Поляна», автора ТГ-канала «Китайский арбуз» за талантливые переводы поэтических вставок в эссе *«О поэзии и чуши»*.

Благодарю коллег из Дома творчества «Переделкино» – в частности, Дарью Беглову, Юлию Вронскую, Александра Филиппова-Чехова и Евгению Петровскую. Эта книга – одно из изданий, с которыми я работал осенью 2024 года в рамках индивидуальной резиденции в Переделкино. Дом творчества – неизменный источник бесценного вдохновения.

Благодарю моих родителей – Елену Батыгину и Вадима Колганова – первых читателей и редакторов всех моих переводческих работ. Все лучшее, что во мне было, есть сейчас и будет когда-либо, восходит к вашей вере в меня.

Март 2025 года

Кирилл Батыгин,

переводчик с китайского и английского, резидент Дома творчества «Переделкино» (2022 и 2024), двукратный лауреат премии «Ясная Поляна» (2024 и 2025), автор ТГ-канала «Музыка перевода»

Нет порока в сказанном ребенком

Прежде люди, готовясь отмечать праздник Весны⁷, клеили на стены красные ленты с надписями *«Выше голову держи и счастлив будь»* и *«Нет порока в сказанном ребенком»*. Я выбрала последнюю фразу в качестве заголовка эссе вовсе не для того, чтобы, лишившись всяких приличий, излить здесь что-то неподобающее, а всего лишь чтобы немного рассказать о своей жизни. Когда мальчишка возвращается из школы, он принимается воодушевленно излагать все, что там увидел и услышал: к кому учитель относится более снисходительно; как Ван Дэбао умудрился опоздать на урок; как соседу по парте сняли баллы за то, что тот пришел неопрятным. И конца у этих речей будто и нет. Вроде бы и лень старшим поддерживать такие беседы, а ведь все равно приходится слушать. По всей видимости, еще в детские годы я ощутила горестную сторону этого явления и с тех пор наложила некоторое табу на собственные высказывания. Даже сегодня запрет дает знать о себе в беседах с другими людьми. Если получается давать другим говорить, а самой слушать, то я тому только рада. Но если же мне приходится говорить, пока другие слушают, то после я погружаюсь в глубокую тревогу, боясь, что кому-то докучаю разговорами. Когда некому высказать все, что накопилось на душе, остается лишь одно средство: пойти и совершить дела великие, которые потрясут Небо, так что к моменту, когда можно будет браться за автобиографию, уже не будет нужды волноваться о том, прочтает ее кто-то или нет. Конечно, это лишь детские фантазии. Сейчас я прихожу к мысли, что мне не суждено стать выдающейся фигурой, приковывающей к себе внимание всего мира, и написать автобиографию, которую будут расхватывать с прилавков. И все же я продолжаю всегда и везде потихоньку записывать все, что со мной происходит, чтобы истории не рвались из меня наружу. Уж лучше так, чем копить их в себе и на старости лет докучать окружающим болтовней.

Тем не менее я полагаю, что окружающая нас литература из рода «про себя, про себя и только про себя любимых» достойна осуждения. На днях я вычитала в английской книге фразу, которая весьма точно подходит к тем авторам, которые слишком уж упиваются жизнеописанием: *«Всю жизнь они растрачивают попусту, заглядывая себе в пупок, и все выдумывают способы, как бы вынудить других людей заглянуть туда же»*. Не могу сказать наверняка, не выступает ли и вся моя последующая писанина тем же разглядыванием собственного пупка, но все же запишу то, что пишется.

⁷ Также китайский Новый год. Праздник отмечается по лунному календарю и в разные годы выпадает на разные даты в промежутке между 21 января и 20 февраля.

Деньги

Не знаю, есть ли в других местах обычай в первый день рождения ребенка предлагать ребенку «схватить свою судьбу»⁸. Когда мне исполнился год, передо мной поставили лакированный поднос с разными вещицами, чтобы предугадать, куда в дальнейшем меня заведут мои устремления. А я вот взяла и ухватила за монетку – кажется, это был золотой фунт стерлингов, по крайней мере, по воспоминаниям моей тетушки по отцу. Одна из горничных же уверяла, что я подхватила ручку. Даже не знаешь, кому верить. Как бы то ни было, с детства я, судя по всему, больше всего на свете любила деньги. Когда матушка с большим удивлением для себя открыла эту мою сторону, ей оставалось лишь покачивать головой: «Какое поколение уродилось...» Мать у меня – человек высоконравственный. Когда деньги у нее есть, она ни за что о них не заговорит. Да и когда наступают времена лихие и средств не хватает, мать все равно относится к ним легко. Во мне же такое чистоплюйство вызывает неприятие, вот я и пошла по противоположной дорожке. Выучив заветное слово «меркантилизм», я стала настаивать, что я – подлинная меркантилистка, преклоняющаяся перед золотом.

Деньги мне нравятся, потому что мне они никогда не приносили страданий – маленькие неприятности не в счет, их не сравнить с иногда выпадающим на долю людей настоящим горем, – так что я не знаю о вреде денег, я знаю лишь об их преимуществах.

Когда я еще жила с родителями, не было нужды беспокоиться ни об одежде, ни о еде. Плата за учебу, расходы на лечение и на развлечения – все это было само собой разумеющимся. При этом карманных денег у меня никогда не водилось. Родители опасались, что мы с братом⁹ купим себе какую-нибудь вкусную гадость, так что красные новогодние конвертики с деньгами мы должны были положить под подушки, а по окончании праздника вернуть отцу. И у нас ни разу не возникало мысли как-либо этому воспротивиться. Вплоть до шестнадцати-семнадцати лет я ни разу сама не ходила за покупками – не возникало привычки, а потому и желания к этому.

Выходила я из кино и, точно потерявшийся ребенок, который ждет родителей в полицейском участке, стояла у дороги, дожидаясь, пока меня не отыщет наш водитель и не повезет домой. (Сама я ни за что бы его не нашла, потому что все никак не могла запомнить номер нашей машины.) Это единственное ощущение роскошной жизни, сохранившееся в моих воспоминаниях.

Впервые я заработала деньги еще в средней школе. Тогда я нарисовала шарж и подала его в англоязычную *Shanghai Evening Post & Mercury*¹⁰. За рисунок мне редакция прислала пять юаней, на которые я сразу же приобрела маленькую насыщенно-красную помаду. Мать очень расстроилась, что я не оставила себе ту банкноту на память, но я не такая сентиментальная особа, как матушка. Для меня деньги – просто деньги, на которые можно покупать все, что хочешь.

Существуют вещицы, которые, на мой взгляд, обязательно должны быть у меня, потому что из всех людей именно мне они доставят больше всего радости. Начну придумывать себе какой-нибудь наряд и, пока не настанет пора покупать материал под него, успеваю передумать все раза три. И в этом горьком процессе обдумывания есть свое удовольствие. Если бы денег

⁸ Ритуал чжуачжоу (буквально – «хватать на первую годовщину»). Особая процедура вытягивания судьбоносного жребия у китайцев, когда перед ребенком раскладывают набор предметов. Вещи, в первую очередь выбранные малышом, предположительно указывают на дальнейшие наклонности ребенка.

⁹ Имеется в виду Чжан Цзыцзин (1921–1997), младший брат Айлин. Об отношениях с братом см. далее в этом эссе, а более подробно о семье Айлин – см. в эссе «Приватные речи».

¹⁰ По-китайски буквально – «Большая американская вечерняя газета». Газета, издававшаяся в Шанхае с 1929 по 1949 год. В первую очередь выражала интересы американского делового сообщества.

было слишком много, то сомневаться не было бы нужды; если же их совсем нет, то тем более не о чем и думать. Охватывающая меня смесь горести и радости – чувство, присущее мелкой буржуазии. Каждый раз, когда мне на глаза попадает слово «мещане», я сразу же думаю о себе, смущенно представляю, будто мне его ткнут на груди красными шелковыми нитками.

Вот уже год, как я заделалась мещанкой, которая сама себя кормит. У Су Цин¹¹ есть такое наблюдение по поводу работающих женщин: *«Оглядываю все вещи у себя в квартире. Здесь все до последнего гвоздика я купила сама. Но есть ли в том какая-то радость, о которой стоит поведать миру?»* Мудрые слова, которые вспоминаешь не раз и ощущаешь заключенное в них уныние.

Слышала я еще заявление от одной дамы: «С семнадцати лет я обеспечивала себя сама. В этом году мне тридцать один год, и я никогда не брала деньги у мужчин». Сказано это было с гордо выпяченной грудью. Нет ли в этих словах, сказанных с предполагаемым самодовольством, некоторого чувства обиды?

Я же пока получаю удовольствие от возможности самой устраивать свои дела. Возможно, это объясняется тем, что для меня это все в новинку. Я не могу забыть, как клянчила у отца деньги, чтобы оплатить занятия на фортепиано¹²: я стояла у курительной кушетки, и стояла там долго-предолго без ответа. Потом я стала жить с матерью. Просить у матери деньги было для меня поначалу делом интимным и задушевым, потому что мать я любила самой что ни на есть романтической любовью, от всего сердца. Она женщина красивая и ранимая, и у меня было довольно мало возможностей с ней общаться, ведь, когда мне было четыре года, мать поехала за границу, потом несколько раз возвращалась и уезжала снова. В детстве мать казалась мне отстраненной и таинственной. Пару раз она брала меня с собой по делам, и, когда мы пересекали улицу, мать брала меня за руку, и касания эти отдавались во мне непривычным волнением. Но потом, даже когда мать оказалась в нужде, я все равно каждые два-три дня подходила к ней с протянутой рукой и мольбой о деньгах. Мучения, которые я испытывала от ее вспыльчивого характера и собственной неблагодарности, мелкими обидами подорвали мою любовь к ней, пока от той ничего не осталось.

В любви к другому человеку готовность попросить расстаться с мелочью – серьезное испытание чувства на глубину.

Самой себя содержать непросто, но мне нравится моя работа. *«Учиться искусствам гражданским и военным следует, пока твои таланты не оценят при императорских домах»*, – сказано в одной древней пьесе. Литераторы прошлого были на довольствии у правящего класса, в наши же дни ситуация несколько поменялась. Я очень рада тому, что моими поильцами и кормильцами выступают не «императорские дома», а широкие массы читателей журналов. Пусть драгоценная публика не сочтет за лесть, но широкая общественность – самый любимый работодатель, который не будет многократно менять мнение, угрожая «непредсказуемостью кары небесной». Публика не будет задирать перед тобой нос, а искренне поддержит тебя. Об одном-единственном твоём добром деле будут вспоминать лет пять-десять. К тому же общественность – отвлеченная абстракция. А если уж и необходимо иметь начальника, то я предпочту начальника умозрительного.

И хоть денег я зарабатываю не то что бы много, но успела отложить зачатки на черный день. В прошлом году подруга предсказала: ткань креп-жоржет, что плохо продается в последние годы, вскоре снова войдет в моду. В Шанхае наших дней с женской одеждой не особо поэкспериментируешь, так что все в обязательном порядке вдохновляются воспоминаниями последних пяти лет. Вот и я себе прикупила за несколько сотен юаней креп-жоржет на платья. Полежала ткань у меня какое-то время, и тут я в городе начала подмечать наряды из креп-

¹¹ Су Цин (1914–1982) – романистка и драматург из провинции Чжэцзян.

¹² Подробнее о том, как Айлин училась играть на инструменте, см. в эссе «О музыке».

жоржета. Сразу отправила отрезы в комиссионную лавку, хотя сама немного надеюсь, что не продается и можно будет использовать ткань себе на обновки.

Вот так и живу я в сплошных противоречиях. Иду за продуктами, а сама будто рисую себе романтический образ попавшей в беду знатной особы. Недавно старичок-зеленщик, завешивая овощи и складывая их ко мне в котомку, придерживал ее ручки у себя во рту. Шла я с этими обслюнявленными ручками и как-то ничего необычного и не почувствовала от этого. Осознав, какая во мне произошла перемена по сравнению с тем, что было раньше, я про себя порадовалась: уверенный шаг к прогрессу. И даже не поймешь, как и почему это произошло.

Одежда

Мечтания Чжан Хэньшуй¹³ мало отличаются от устремлений рядового человека. Чжану нравится, когда женщина облачена в аккуратную голубую накидку, из-под которой проглядывает платье-*ципао* из красного шелка¹⁴ – легкая нотка игривости за непорочностью и чистотой. В его романы я бы не попала по цензу. Впрочем, и нет у меня такого намерения.

Мать моя любила шить одежду, и потому отец постоянно недовольно бурчал себе под нос: «Не человек, а вешалка!» Одно из моих самых ранних воспоминаний: мать сидит у зеркала и прикалывает к зеленому жакету брошку из жадеита. Я стою рядом и, задрав голову, со страшной завистью наблюдаю за приготовлениями. Мне тогда прямо не терпелось стать взрослой. Я приговаривала: «В восемь лет я себе сделаю пробор, в десять надену туфельки на каблучках, а в шестнадцать буду кушать кулечки-*цзунцзы* и клецки-*таньюань*¹⁵, буду есть все, что трудно усваивается». И чем больше я спешила, тем длиннее казались мне дни. В детстве каждый день медленный и теплый, будто ты ходишь в тапочках на ватной подкладке, внутренняя розовая бархатная стелька которых прогрета солнцем.

Порой же, наоборот, я расстраивалась от того, как быстро бежит время. Сама не заметила, как выросла на пару голов – и новенькое платье заграничного фасона из парчи нежно-зеленого лукового оттенка уже не налезало, а я ведь даже ни разу его не надела. Сердце кровью обливалось, когда о нем вспоминала потом, – казалось, это самое большое сожаление в моей жизни.

Был период, когда я жила под надзором мачехи и донашивала ее обноски. Никогда не забуду тоненький ватный халатик багрового цвета, оттенка рубленой говядины. Носила я его целыми днями и выглядела так, будто все мое тело было покрыто ознобышами. Зима прошла, а рубцы так и остались на месте – и отвратительно, и позорно. Во многом из-за чувства стыда по поводу моей внешности средняя школа была для меня временем безрадостным, я тогда мало с кем дружила.

По окончании школы я поселилась с матерью. Матушка рассудила весьма справедливо: если хочешь поскорее выйти замуж, то не надо сидеть за книгами, лучше уж вместо оплаты обучения потратить деньги на наряды; если продолжать учиться, то денег на то, чтобы принарядиться, не останется вовсе. Но я все-таки поехала учиться в Гонконгский университет. Там мне дали целых две стипендии. Часть денег я отложила для матери, а на остальные решила дать себе разгуляться и заказала платья, какие хотела. Одежда на заказ и сейчас остается моей большой страстью

В подборе цветов китайцы позаимствовали на Западе два принципа: «контраст» и «гармония». Если объяснять на пальцах, то контраст – это когда к красному добавляешь зеленый, а гармония – когда зеленый сочетается с зеленым. Мало кто понимает, что два разных оттенка зеленого вступают в крайне неприятное и очевидное противостояние друг с другом. Чем меньше они различаются, тем более раздражающим будет восприниматься их сочетание. А вот контраст красного и зеленого – это даже отрадный вызов. И все же слишком явный контраст этих ярких цветов напоминает рождественскую елку. Сложно такую комбинацию назвать проявлением изысканного вкуса. Прежде китайцы уделяли особое внимание резким

¹³ Чжан Хэньшуй (1895–1967) – популярный писатель, автор более ста романов на разговорном китайском языке, один из представителей школы «уточек-мандаринок и бабочек».

¹⁴ Облегающее длинное платье, современная форма которого была придумана шанхайскими модельерами. Подробнее об одежде в целом и о *ципао* в частности см. в эссе «О смене платья».

¹⁵ Цзунцзы – угощения из клейкого риса с различными начинками в форме кулечков, завернутых в листья бамбука. Обычно готовятся на праздник Драконьих лодок. Таньюань – шарики из клейкого риса, которые обычно подают с супом. Готовятся на праздник Фонарей, которым завершаются торжества по случаю праздника Весны.

контрастам. Есть такая детская песенка: «Красный с зеленым – взор не устает, красный с фиолетовым – один помет»¹⁶. В романе *«Цветы сливы в золотой вазе»*¹⁷ Сун Хуэйлянь появляется в ярко-красной курточке и пурпурной юбке, что приходится не по вкусу герою Симэнь Цину. Отыскали ей потом в сундуке отрез голубого шелка, чтобы она смастерила новую юбку.

Современные китайцы часто заявляют, что наши предки ничего не смыслили в цветовых сочетаниях. Но все дело в том, что контрасты у них были не абсолютные, а менее очевидные. Так, ярко-синий дополняли яблочно-зеленым, нежно-желтый оттенок сосновых шишечек в пору цветения – ярко-красным, цвет зеленого лука – персиково-розовым. А мы, современные люди, все это уже предали забвению.

Сложные, но приятные комбинации цветов, которыми славились китайцы в прошлом, сейчас можно увидеть только в японских тканях. Вот почему мне нравится ходить за покупками в район Хункоу¹⁸. Только обидно, что все выставленные на продажу ткани свернуты в рулоны, точно старинные свитки с живописью, и нельзя ими полюбоваться. Только и остается, что просить честного лавочника разворачивать для меня рулон за рулоном. Вот так придишь, разворишь весь магазинчик, а в итоге ничего и не купишь – один конфуз.

Очень сложно устроены японские кимоно. Орнаменты, которые привольно раскидываются на ткани, зачастую просто тонут под слоями одежды. Зато китайские *ципао* с их простыми линиями сразу производят на человека приятное впечатление.

Каждый отрез японской узорчатой ткани – целая картина. После покупок я нередко подолгу любуюсь материалом, прежде чем передать его портному. Вот на буром фоне небольшой храм где-то в Бирме, скрывшийся под пологом листьев пальмы в сезон тропических ливней; вот затянувшийся к началу лета зеленой вуалью прудик – на поверхности трепещет ряска, а у берегов склонилась подрубленная сирень белого и фиолетового цвета. (Такое впечатление, будто я перенеслась в строфы из *«Скорбной оды о заречье Янцзы»*¹⁹.) А вот полотно на мотив *«Цветы под дождем»*: на белом фоне мрачно вздымаются пурпурные цветы, окропляемые обильными каплями дождя.

У меня в памяти хранятся все ткани, которые я видела, но так и не купила. Темный шелк цвета оливы, на котором лежала глубокая тень, словно бы материал целиком вобрал в себя грозу. Еще один шелковистый японский материал оттенка пресной озерной воды: ткань эта вся сияла узорами, напоминающими деревья и водную рябь; ровными интервалами над водой поднимались пары цветов сливы величиной с чайные чашечки. Полотно это было исполнено превосходно, будто серебряными нитями по железному панно. Я словно попала в заморскую средневековую церковь и рассматривала витражи, чьи красочные вставки заключены в солидную железную кайму.

По всему городу обнаруживаются разнообразные цвета, которым сразу не подберешь названия. Вроде бы синий, а вроде бы и нет; серый, а кажется, и не серый; будто желтый, а будто и нет. Те цвета, которые подходят лишь для фона, называют нейтральными, а еще защитными, благородными и сложными. Из таких составных цветов можно выбрать на редкость красивые и милые оттенки. Они сияют на человеке, будто того осветило солнце из другой вселенной. И все же я постоянно думаю, что мне по-прежнему чего-то не хватает даже в таких цветах. Так же было у Ван Гога: рисуя подсолнечники под знойным солнцем юга Франции, он сетовал,

¹⁶ Айлин здесь обыгрывает обостренное восприятие китайцами устоев в свете западных веяний. В традиционной китайской культуре, предположительно, вычурное для западных глаз сочетание красного и зеленого считалось приятным и естественным. Многие крылатые выражения – например, «красны цветы, зелены ивы», к которому писательница будет обращаться в эссе «О смене платья», – построены как раз на соотнесении, а не на противопоставлении красного и зеленого.

¹⁷ Классический роман XVII века, приписываемый автору под псевдонимом «Ланьлинский пересмешник».

¹⁸ Район Шанхая. В те времена за Хункоу закрепилось название «маленький Токио», так как на его территории проживало много японцев.

¹⁹ Подразумевается либо отрывок из классической музыкальной драмы «Веер с персиковыми цветами» Кун Шанжэня (1648–1718), либо песня времен династии Сун (960–1279). Заречье Янцзы (также *Цзяннань*) – регион к югу от реки.

что его краски недостаточно насыщенные, и накладывал еще больше цвета на холст, пока слои пигментов не подымались высоко над ним. Так масляная картина превращалась в своеобразный барельеф.

Для людей, лишенных ораторского дара, одежда – форма высказывания. Каждый из нас словно носит на себе целый театр в миниатюре. Вот и живем мы все в самодельном театре. Чем мы с вами не «люди в футлярах»? (Чеховский «Человек в футляре» не вылезал из пальто и из-под зонта. Герой полностью закрылся. У него для всего был футляр. Даже у его часов имелся отдельный футлярчик.)

Театрализация жизни – явление пагубное. Мы, люди, выросшие в городской среде, сначала видим море на картинках, и только потом нам открывается море настоящее; сначала читаем мы о любви в романах, и только потом к нам приходит любовь настоящая. Мы чаще всего познаем жизнь опосредованно, через покров театрализованных мистификаций. И тем сложнее оказывается прочертить границу, отделяющую жизнь от спектакля жизни.

Как-то вечером в свете луны вышла я с подругой по учебе прогуляться по коридорам школьного общежития. Мне было двенадцать, подруга была меня старше на пару лет. И заявила она мне: «Я к тебе очень хорошо отношусь, только не знаю, какая ты». Светила луна, а я от рождения человек литературы, человек сочиняющий – и потому торжественно прошептала: «А какая я... Я такая, что у меня, кроме матери, только ты и есть». Девочка сильно расчувствовалась от этого, как, впрочем, и я сама.

Есть еще одно, более раннее событие, которое мне причиняет беспокойство. Мне было пять лет. Мать была не в Китае. Наложница отца²⁰ была куртизанкой постарше его. Звали ее достопочтенной Восьмеркой. Ее бледное лицо, овал которого напоминал семечко тыквы, прикрывала длинная челка. Восьмерочка для меня заказала новомодные бархатные жакет и длинную юбку лилового оттенка и, преподнеся их мне, заявила: «Смотри, как я о тебе забочусь! Твоя матушка шила одежду из старых обносков и чего попало. Кто еще укутает тебя в бархате? Скажи, кто тебе больше нравится: я или мать?» Я и ответила: «Ты». И что меня в этом коробит, так это то, что в тот момент я ничуть не солгала.

²⁰ Подразумевается существовавший на протяжении практически всей истории Китая институт, допускавший брак мужчины с одной женщиной и неограниченное число наложниц, имевших в разные периоды времени различную статусность. Этот институт формально был запрещен только с приходом к власти КПК в 1949 году.

Еда

В детстве мне часто снилось, как я кушаю по ломтику вафли-юньпяньгао²¹. Кушаю, кушаю – а сладость, и без того тоненькая, превращается в шероховатую бумажку. И оттого охватывало меня невыносимое разочарование.

Я любила молочные пузыри. Когда мне давали молоко, я специально сначала проглатывала белые жемчужинки, собиравшиеся у краев чашки.

В романе «Сон в красном тереме»²² есть такой эпизод: матушка Цзя спрашивает у Сюэ Баочай, какие постановки она любит смотреть и что любит кушать. Баочай знает, что вопрошающая дама обожает зрелищные южные драмы да сладкие и разваренные блюда. И потому называет именно те вещи, которые милы матушке Цзя. Вот и я, как люди преклонного возраста, люблю кушать сладкое и разваренное и совсем не люблю кушанья легкие и освежающие, вроде солений, редиса в соевом соусе и «лягушачьих полосок»²³. Не люблю я и всякие семечки, а также кушанья, требующие некоторой сноровки от едока, вроде рыбы и креветок, я – убежденная мясоедка.

Есть в Шанхае прекрасное местечко под названием «Говяжья деревня». Там царит белоснежная чистота, на стенах, выложенных керамической плиткой, висят складывающиеся в букву «Т» бумажные ленты темно-персикового цвета с надписями: «Мясо на бульон ×× юаней, филе ×× юаней». Большие белые шары-светильники под потолком прикрыты чехлом противовоздушной обороны из черной материи с ярко-красной подкладкой, которая сразу бросается в глаза. Сотрудники в белых халатах все как на подбор румяные, упитанные и смешливые. Одной ногой они упираются о скамеечки, стоят и читают бульварные газетки. Там имеются огромные баклажаны, душистый лук и прямо просящиеся на убой свиньи. В дверях задержалась тележка, на которой доставили двух аккуратненьких свинок, им еще только предстоит быть разделанными, но на мордочках уже видны пятна крови, а брюшки уже распахнуты настежь, демонстрируя ярко-красное нутро. Даже не знаю отчего, но такое зрелище совсем не вызывает во мне досады. Все ровно так, как положено, разумнее и быть не может. Хотелось бы мне устроиться на работу в «Говяжью деревню». Ведала бы я кассой – только и делала бы, что принимала деньги. В магазине стоит такая свежесть, что ощущаешь себя как в санатории. Впрочем, стоит ли слишком много думать о таких бытовых вещах?

²¹ Юньпяньгао – печенье из риса, в который добавляют сахар и грецкий орех.

²² Классический китайский роман о связанных судьбой влюбленных (1792). Автором первых восьмидесяти глав является Цао Сюэцин (точные даты жизни неизвестны). См. эссе «О рукописях в стол», где Айлин рассказывает о написанных по молодости черновиках к современной адаптации «Сна».

²³ Хамасу – сдобные полоски с кунжутом, которые называют «лягушачьими» за форму, напоминающую подобрившую под себя лапки лягушку.

Благородные джентльмены

Сию я в трамвае, поднимаю голову и смотрю на людей, стоящих передо мной. Внешность у них вроде бы солидная и незаурядная, но мало у кого в ноздрях чисто. Вот откуда мы имеем крылатое выражение: «Не бывает людей, которые способны перед подчиненными показывать себя героями».

Младший брат

Мой младший брат уродился, в отличие от меня, очень симпатичным. С самого детства все домочадцы досадовали, что такой маленький ротик, большие глаза и длинные ресницы растрочены понапрасну на мальчишескую физиономию. Старшие любили спрашивать братца: «Одолжишь мне реснички? Завтра же верну». Но тот всегда наотрез отказывался. Как-то раз все расхваливали чью-то тетушку как большую красавицу, а братец возьми и спроси: «Но она же не такая красивая, как я?» Его часто высмеивали за тщеславие.

Брат завидовал моему умению рисовать. Когда никого не было рядом, он рвал мои рисунки в клочья или замарывал их черными полосками. И я могу понять, какое давление он ощущал на себе: я старше его на год, умела говорить, была крепче здоровьем, могла есть то, что ему есть не разрешали, и делать то, что он не мог.

Во время игр я всегда брала на себя инициативу. Мы с братом изображали из себя двух отважных, закаленных в боях генералов из «Клана Цзинь». Меня мы провозгласили Юэхуном, его – Синхуном²⁴; я сражалась драгоценным мечом, а он – двумя медными молотами; и вокруг нас еще была целая рать вымышленных соратников и последователей. Спектакль наш начинался всегда под вечер. Матушка Цзинь брэнчала на кухне, нарезаая овощи, чтобы наше войско вдоволь наелось перед боем. Затем под покровом серебристого лунного света мы переходили вершины и нападали на варваров по ту сторону горного хребта. По пути мы умудрялись прикончить пару тигров и похитить у них «тигриное яйцо» – узорчатый плед, свернутый кулком размером с плетеную корзину. При вскрытии оказывалось, что яичко было точь-в-точь как вареное, только желток был абсолютно круглым. Братец нередко не слушался моих распоряжений, и потому у нас разгорались споры. Он «и отдавать, и принимать приказы не мог»²⁵. И все же он был столь милым и прелестным, что иногда я давала ему придумывать свои собственные сюжеты: «Убегает путник от тигра, бежит, как скорый ветер, запыхается, несется вперед, оставляя позади себя только звериный рев...» Не успевал братец договорить, а я уже чуть ли не по полу валялась, заливаясь смехом, и чмокала братишку в щеку, будто он – забавная игрушка.

Когда мы обзавелись мачехой, я много времени проводила в школе-интернате и с трудом могла вырваться домой, а потому совсем не знала, как жизнь складывается у брата. Один раз во время каникул повидалась я с ним и даже немного испугалась. Братишка вытянулся и исхудал. Облачен он был в не слишком опрятную голубую рубаху. И понабрал себе в библиотеке много книжек в картинках²⁶. Я в то время читала по учебе «Северный и южный полюсы» Му Шиина²⁷ и «Гибель» Ба Цзиня²⁸, и мне казалось, что необходимо заняться литературным вкусом братца. Но тот быстро ускакал от меня прочь. Дома все принялись наперебой рассказывать мне обо всех его прегрешениях: он прогуливал школу, перечил взрослым, был совершенно безвольным. Я больше кого-либо рассердилась на этот счет и вместе со всеми начала его осуждать столь же ожесточенно. На это меня, впрочем, науськали окружающие, перевернувшие все вверх ногами.

Потом за столом отец из-за какого-то пустяка отвесил брату пощечину. Меня это сильно потрясло. Я прикрыла лицо пиалой с рисом. Из глаз сами собой хлынули слезы. Мачеха рас-

²⁴ Буквально – «Красная луна» и «Красный абрикос».

²⁵ Цитата по трактату «Мэн-цзы» одноименного философа (372–289 до н. э.).

²⁶ Ляньхуаньхуа (буквально – «картинки в сериях») – графические новеллы, обычно по формату не больше ладони. Были популярны в Китае в первой половине XX века.

²⁷ Му Шиин (1912–1940) – писатель-авангардист, представитель шанхайского модернизма.

²⁸ Ба Цзин (1904–2005) – один из известнейших китайских писателей XX века, переводчик, позже – председатель Союза китайских писателей.

смеялась: «А ты-то чего плачешь? К тебе же это никакого отношения не имеет! Посмотрите только: парню без разницы, а она ревет!» Бросив чашку, я кинулась в уборную за стенкой, закрылась на замок и, беззвучно всхлипывая, встала перед зеркалом. Стала разглядывать дергающееся лицо и льющие ручьем слезы. Будто кадр из фильма. И прошептала сквозь стиснутые зубы: «Отомщу. Настанет день, и я отомщу».

Окно уборной выходило на балкон. Вдруг послышался хлопок. Резиновый мячик ударился о стекло и отпрыгнул обратно. Брат играл с ним на террасе. Он уже и забыл о произошедшем, ведь давно к такому привык. И я больше не стала плакать. Только ощущала трескучий мороз скорби.

*Май 1944 года,
журнал «Небо и Земля»*

Мои труды

Я пишу художественные произведения и эссе, но теории особого внимания не уделяю. И вот в последнее время неожиданно обнаружились у меня некоторые мысли на этот счет, их далее и представляю.

Я предполагаю, что теория литературы следует за литературными произведениями, а не наоборот. Так было прежде, так обстоит дело сейчас, и, боюсь, так будет и в дальнейшем. И если автор и может как-то повышать свою сознательность, то теорию приходится черпать из собственных трудов. Благодаря этому получаешь возможность прицениваться к собственным работам, и это, разумеется, идет на пользу в будущем. Однако при таких изысканиях важно держать в памяти, что в процессе развития литературы само произведение и теория выступают наподобие пристяжных лошадей в упряжке, каждая из которых то вырывается вперед, то отстает, и только вместе они двигаются вперед. Теория литературы – вовсе не возница, который сидит себе высоко в повозке и плеткой погоняет литературное творчество.

Кажется, что в наше время литературные произведения так же убоги, как и теория. Я заметила, что писатели испокон веков уделяли особое внимание резким изменениям в человеческой жизни, но пренебрегали ее безмятежными страницами. А ведь только на фоне спокойствия возможны грандиозные перемены. И еще литераторы по большей части делают акцент на борьбе и забывают о гармонии. А ведь люди в конечном счете борются именно за то, чтобы достичь гармонии.

В этом акценте на подъеме и динамичности в некоторой степени ощущается настрой на сверхлюдей. Сверхчеловеку отведено на земле определенное время, он рождается в определенную эпоху. А спокойная и безмятежная жизнь подразумевает постоянство, и хоть эта стабильность и оказывается нередко небезопасной и регулярно по прошествии определенного времени нарушается, все же она долговечна и существует во все эпохи. Это божественное начало в человеке и, можно даже сказать, женственная сторона его натуры.

В истории литературы крайне мало произведений, которые воспевали бы спокойную и тихую жизнь, и куда больше трудов, делающих упор на резкие колебания человеческого бытия. Хорошие же произведения отличаются тем, что они описывают взлеты и падения человеческой фортуны на фоне всеобщего спокойствия. В отсутствие такой основы любые движения человека суть пена на воде. Многие сильные работы умеют только будоражить, но не вдохновлять. И провал этот объясняется незнанием того, как представить идиллический фон.

Человека волнует борьба, потому что это явление мощное и в то же время мучительное. Борющийся за что-то человек утрачивает гармонию в жизни и стремится установить ее заново. Но борьба во имя борьбы скоро приедается, она вряд ли послужит основой для хорошего произведения.

Мне кажется, что во многих работах мощные элементы превосходят красивые. Сила приносит радость, а красота – печаль, и эти два начала не могут существовать обособленно друг от друга. «С тобой мы клятвой связаны быть едины в смерти или жизни. Возьмемся же за руки и вместе встретим старость»²⁹. Эти строфы окутаны скорбью. И все же они жизнеутверждающие. Я не люблю величавое геройство. Мне милее пафос трагедий, но даже больше – уныние. В героизме много силы, но нет красоты, героям будто не хватает человечности. А трагичный пафос, напротив, напоминает сочетание красного и зеленого, получается сильный контраст. Конечно, он очень впечатляет, но оставляет не такое долгое и глубокое послевкусие, как пол-

²⁹ Отрывок из древнейшего собрания китайской поэзии – «Книги песен» («Шицзин»). В него входят произведения от XI до VII века до н. э.

ная безутешность. Уныние сопоставимо с сочетанием нежно-зеленого цвета лука и красного цвета персика, это более мягкий, асимметричный контраст.

Мне прием мягких контрастов нравится, потому что он относительно близок к реальности. Героиня *«Любви, разрушающей города»*³⁰, девушка из бедной семьи Бай Люсу, не перерождается в революционерку на фоне «боевого крещения» Гонконга. Пришедшая в город война повлияла на героя Фань Лююаня, вынудив его отдать предпочтение более непринужденной жизни. Лююань в итоге женится, но брак не делает из него человека святого и не позволяет ему избавиться от устоявшихся привычек. А потому финал, к которому приходят Лююань и Люсу, вроде бы более-менее здоровый, хотя и воспринимается как обывательская пошлость. Но ничего иного у персонажей моих и нет.

³⁰ В переводе Оксаны Родионовой входит в сборники «Пограничный городок. Китайская проза XX века» (2012) и «Шедевры китайской женской прозы середины XX века» (2018).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.